

Митина любовь

I

Въ Москвѣ послѣдній счастливый день Мити былъ девятого марта. Такъ по крайней мѣрѣ казалось ему.

Они съ Катей шли въ двѣнадцатомъ часу утра вверхъ по Тверскому бульвару. Зима внезапно уступила веснѣ, на солнцѣ было почти жарко. Какъ будто правда прилетѣли жаворонки и принесли съ собой тепло, радость. Все было мокро, все таяло, съ домовъ капали капли, дворники скалывали ледъ съ тротуаровъ, сбрасывали липкій снѣгъ съ крышъ, и всюду было многолюдно, оживленно. Высокія облака расходились тонкимъ бѣлымъ дымомъ, сливаясь съ влажно-синѣющимъ небомъ. Вдали, въ перспективѣ бульвара, было черно отъ народа, съ благостной задумчивостью высился Пушкинъ, сіялъ Страстной монастырь. Но лучше всего было то, что Катя, въ этотъ день особенно хорошенъкая, вся дышала просто-сердечіемъ и близостью, часто съ дѣтской довѣрчивостью брала Митю подъ руку и снизу заглядывала въ лицо ему, счастливому даже какъ будто чуть-чуть высокомерно, шагавшему такъ по деревенски, что она едва поспѣвала за нимъ.

Возлѣ Пушкина она неожиданно сказала:

— Какъ ты смѣшно, съ какой-то милой мальчишеской неловкостью растягиваешь свой большой ротъ, когда смѣешься! Не обижайся, за эту-то улыбку я и люблю тебѣ. Да вотъ еще за твои византійскіе глаза...

Стараясь не улыбаться, пересиливая и тайное довольство, и легкую обиду, Митя дружелюбно отвѣтилъ,

глядя на памятникъ, теперь уже высоко поднявшійся въ весеннее небо передъ ними:

— Что до мальчишества, то въ этомъ отношеніи мы, кажется, недалеко ушли другъ отъ друга, несмотря на твои восемнадцать лѣтъ. А на византіяца я похожъ такъ же, какъ ты на китайскую императрицу. Вы всё просто помѣшались на этихъ Византіяхъ, вообще на стиляхъ, на эстетикѣ. Не понимаю я твоей матери!

— Что-жь, ты бы на ея мѣстѣ меня въ теремъ заперъ? — спросила Катя.

— Не въ теремъ, а просто на порогъ не пускалъ бы всю эту яко-бы артистическую богему, всѣхъ этихъ будущихъ знаменитостей изъ студій и консерваторій, изъ театральнхъ школъ, — отвѣтилъ Митя, продолжая стараться быть спокойнымъ и дружелюбно небрежнымъ. — Ты же сама мнѣ говорила, что Буковецкій уже звалъ тебя ужинать въ Стрѣльну, а Егоровъ предлагалъ лѣпить голую, въ видѣ какой-то умирающей морской волны, и, конечно, страшно польщена такой честью.

— Я все равно даже ради тебя не откажусь отъ искусства, — сказала Катя. — Можетъ быть, я и гадкая, какъ ты часто говоришь, — сказала она, хотя Митя никогда не говорилъ ей этого, — можетъ, я испорченная, но бери меня такую, какая я есть. И не будемъ ссориться, перестань ты меня ревновать хоть нынче, въ такой чудный день! — Какъ ты не понимаешь, что ты для меня все таки лучше всѣхъ, единственный? — негромко и настойчиво спросила она, уже съ дѣланной оболъстительностью заглядывая ему въ глаза, и задумчиво, медлительно продекламировала:

Межъ нами дремлющая тайна,
 Душа душѣ дала кольцо...

Это послѣднее, эти стихи уже совсѣмъ больно задѣли Митю. Вообще, многое даже и въ этотъ день было непри-

ятно и больно. Неприятна была шутка на счет мальчишеской неловкости: подобныя шутки онъ слышалъ отъ Кати уже не въ первый разъ, и онъ были не случайны, — Катя не рѣдко проявляла себя то въ томъ, то въ другомъ болѣе взрослой, чѣмъ онъ, нерѣдко (и невольно, то есть въполнѣ естественно) выказывала свое превосходство надъ нимъ, и онъ съ болью воспринималъ это, какъ признакъ ея какой-то тайной порочной опытности. Неприятно было «все таки» («ты все таки для меня лучше всѣхъ») и то, что это было сказано почему-то внезапно пониженнымъ голосомъ, особенно-же неприятны были стихи, ихъ манерное чтеніе. Однако даже стихи и это чтеніе, то есть то самое, что больше всего напоминало Митѣ средѹ, отнимавшую у него Катю, остро возбуждавшую его ненависть и ревность, онъ перенесъ сравнительно легко въ этотъ счастливый день девятаго марта, его послѣдній счастливый день въ Москвѣ, какъ часто казалось ему потомъ.

Въ этотъ день, на возвратномъ пути съ Кузнецкаго Моста, гдѣ Катя купила у Циммермана нѣсколько вещей Скрыбина, она между прочимъ заговорила объ его, Митиной, мамѣ и сказала, смѣясь:

— Ты не можешь себѣ представить, какъ я заранѣе боюсь ея!

Почему-то еще ни разу за все время ихъ любви не касались они вопроса о будущемъ, о томъ, чѣмъ ихъ любовь кончится. И вотъ вдругъ Катя заговорила объ его мамѣ и заговорила не просто, а такъ, точно само собой подразумевалось, что мама есть ся будущая свекровь...

II

Потомъ все шло какъ будто по прежнему. Митя провожалъ Катю въ студию Художественнаго театра, на концерты, на литературные вечера, или сидѣлъ у нея на

Кисловкѣ и засиживался до двухъ часовъ ночи, пользуясь странной свободой, которую давала ей ея мать, всегда курящая, всегда нарумяненная дама съ малиновыми волосами, милая, добрая женщина (давно жившая отдѣльно отъ мужа, у котораго была вторая семья). Забѣгала и Катя къ Митѣ, въ его номера на Молчаповкѣ, и свиданія ихъ, какъ и прежде, почти сплошь протекали въ тяжкомъ дурманѣ поцѣлуевъ. Но Митѣ упорно казалось, что внезапно началось что-то страшное, что что-то измѣнилось, стало мѣняться въ Катѣ, въ ея отношеніи къ нему.

Быстро пролетѣло то незабвенное легкое время, когда они только что встрѣтились, когда они, едва познакомились, вдругъ почувствовали, что имъ всего интереснѣе быть только возлѣ другъ друга, говорить (и хоть съ утра до вечера) только другъ съ другомъ, — когда Митя столь неожиданно оказался въ томъ сказочномъ мірѣ любви, котораго онъ втайнѣ ждалъ съ дѣтства, съ отрочества. Этимъ временемъ былъ декабрь, — морозный, погожій, день за днемъ украшавшій Москву густымъ инеемъ и мутно-краснымъ шаромъ низкаго солнца. Январь, февраль закружили Митину любовь въ вихрѣ непрерывнаго счастья, уже какъ бы осуществленнаго или по крайней мѣрѣ вотъ-вотъ готоваго осуществиться. Но уже и тогда что-то стало (и все чаще и чаще) смущать, отравлять это счастье. Уже и тогда нерѣдко казалось, что какъ будто есть двѣ Кати: одна та, которой съ первой минуты своего знакомства съ ней сталъ настойчиво желать, требовать Митя, а другая — подлинная, обыкновенная, мучительно не совпадавшая съ первой. И все же ничего подобнаго теперешнему не испытывалъ Митя тогда.

Все можно было объяснить. Начались весеннія женскія заботы, покупки, заказы, безконечныя передѣлки то того, то другого, и Катѣ дѣйствительно приходилось часто бывать съ матерью у портнихъ, у шляпницъ; кромѣ того у нея впереди былъ экзаменъ, — въ той частной те-

атральной школѣ, гдѣ училась она. Вспомнѣ естественной поэтому могла быть ся озабоченность, разсѣянность. И такъ Митя поминутно и утѣшалъ себя. Но утѣшенія не помогали, — то, что говорило мнительное сердце вопреки имъ, было сильнѣе и подтверждалось все очевиднѣе: внутренняя невнимательность Катѣ къ нему все росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и его мнительность, его ревность. Директоръ театральной школы кружилъ Катѣ голову похвалами, и она не могла удержаться, рассказывала Митѣ объ этихъ похвалахъ. Директоръ сказалъ ей: «ты гордость моей школы» — онъ всѣмъ своимъ ученицамъ говорилъ ты, — и, помимо общихъ занятій, сталъ заниматься съ ней постомъ еще и отдѣльно, чтобы блеснуть ею на экзаменахъ особенно. Было-же извѣстно, что онъ развращалъ ученицъ, каждое лѣто увозилъ какую-нибудь съ собой на Кавказъ, въ Финляндію, за границу. И Митѣ стало приходиться въ голову, что теперь директоръ имѣетъ виды на Катю, которая, хотя и не виновата въ этомъ, все таки, вѣроятно, это чувствуетъ, понимаетъ и потому уже какъ-бы находится съ нимъ въ мерзкихъ, преступныхъ отношеніяхъ. И мысль эта мучила тѣмъ болѣе, что слишкомъ очевидно было уменьшеніе вниманія Катѣ.

Казалось, что вообще что-то стало отвлекать ее отъ него. Онъ не могъ спокойно думать о директорѣ. Но что директоръ! Казалось, что вообще надъ Катипой любовью стали преобладать какіе-то другіе интересы. Къ кому, къ чему? Митя не зналъ, онъ ревновалъ Катю ко всѣмъ, ко всему, главное, къ тому общему, имъ воображаемому, чѣмъ втайнѣ отъ него уже будто бы начала жить она. Ему казалось, что ее непреодолимо тянетъ куда-то прочь отъ него и, можетъ быть, къ чему-то такому, о чемъ даже и помыслить страшно.

Разъ Катя, полусуштя, сказала ему въ присутствіи матери:

— Вы, Митя, вообще разсуждаете о женщинахъ по

Домострою. И изъ васъ выйдетъ совершенный Отелло. Вотъ ужъ никогда бы не влюбилась въ васъ и не пошла за васъ замужъ!

Мать возразила:

— А я не представляю себѣ любви безъ ревности. Кто не ревнуетъ, тотъ, по моему, не любитъ.

— Нѣтъ, мама, — сказала Катя со своею постоянной склонностью повторять чужія слова, — ревность это неуваженіе къ тому, кого любишь. Значить, меня не любить, если мнѣ не вѣрять, — сказала она, нарочно не глядя на Митю.

— А по моему, — возразила мать, — ревность и есть любовь. Я даже это гдѣ-то читала. Тамъ это было очень хорошо доказано и даже съ примѣрами изъ Библии, гдѣ самъ Богъ называется ревнителемъ и мстителемъ...

Что до Митиной любви, то она теперь почти всецѣло выражалась только въ ревности. И ревность эта была не простая, а какая-то, какъ ему казалось, особенная. Они съ Катей еще не переступили послѣдней черты близости, хотя позволяли себѣ въ тѣ часы, когда оставались они, слишкомъ многое. И теперь, въ эти часы, Катя бывала еще страстиѣе, чѣмъ прежде. Но теперь и это стало казаться подозрительнымъ и возбуждало порою ужасное чувство. Всѣ чувства, изъ которыхъ состояла его ревность, были ужасны, но среди нихъ было одно, которое было ужаснѣе всѣхъ и которое Митя никакъ не умѣлъ, не могъ опредѣлить и даже понять. Оно заключалось въ томъ, что тѣ проявленія страсти, то самое, что было такъ блаженно и сладостно, выше и прекраснѣе всего въ мірѣ въ примѣненіи къ нимъ, Митѣ и Катѣ, становилось несказанно мерзко и даже казалось чѣмъ-то противоестественнымъ, когда Митя думалъ о Катѣ и о другомъ мужчинѣ. Тогда Катя возбуждала въ немъ острую ненависть и отвращеніе, отвращеніе даже тѣлесное. Все, что, глазъ на глазъ, дѣлалъ съ ней онъ самъ, было полно для него райской прелести и цѣломудрія. Но какъ только онъ представлялъ

себѣ на своемъ мѣстѣ кого-нибудь другого, все мгновенно мѣнялось, — все превращалось въ нѣчто безстыдное, отвратное, возбуждающее жажду задушить Катю и прежде всего именно ее, а не воображаемаго соперника.

III

Въ день экзамена, который состоялся наконецъ (на шестой недѣлѣ поста), какъ будто особенно подтвердилась вся правда Митиныхъ мученій.

Тутъ Катя уже совсѣмъ не видѣла, не замѣчала его, была вся чужая, вся публичная.

Она имѣла большой успѣхъ. Она была во всемъ бѣломъ, какъ невѣста, и волненіе дѣлало ее прелестной. Ей дружно и горячо хлопали, и директоръ, самодовольный актеръ съ безразличными и печальными глазами, сидѣвшій въ первомъ ряду, только ради пушей гордости дѣлалъ ей иногда замѣчанія, говоря негромко, но какъ-то такъ, что было слышно на всю залу и звучало для Мити нестерпимо.

— Поменьше читки, — говорилъ онъ вѣско, спокойно и такъ властно, точно Катя была его полной собственностью. — Не играй, а переживай, — говорилъ онъ раздѣльно.

И это было нестерпимо. Да нестерпимо было и самое чтеніе, вызывавшее рукоплесканія. Катя алѣла жаркимъ румянцемъ, смущеніемъ, голосокъ ея иногда срывался, дыханія не хватало, и это было трогательно, очаровательно. Но читала она съ той пошлой пѣвучестью, фальшью и глупостью въ каждомъ звукѣ, которая считались высшимъ искусствомъ чтенія въ той ненавистной для Мити средѣ, въ которой уже всѣми помыслами своими жила Катя, она не говорила, а все время восклицала съ какой-то назойливой томной страстностью, съ неумѣренной, ничѣмъ не обоснованной въ своей настоятельности мольбой, и Митя не зналъ куда глаза дѣвать отъ

стыда за нее. Ужаснѣе же всего была та смѣсь ангельской чистоты и порочности, которая была въ ней, въ ея разгорѣвшемся личикѣ, въ ея бѣломъ платьѣ, которое на эстрадѣ казалось короче, такъ какъ всѣ сидящіе въ залѣ глядѣли на Катю снизу, въ ея бѣлыхъ туфелькахъ и въ обтянутыхъ шелковыми бѣлыми чулками ногахъ. — «Дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ» — съ дѣланной, неумѣренной наивностью читала (вѣрнѣе, тоже пѣла) Катя о какой-то будто бы ангельски невишней дѣвушкѣ. И Митя чувствовалъ и обостренную близость къ Катѣ, — какъ всегда это чувствуешь въ толпѣ къ тому, кого любишь, — и враждебность, граничащую съ ненавистью, чувствовалъ и гордость ею, сознание, что вѣдь все таки ему принадлежитъ она, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрывающую сердце боль: нѣтъ, все кончено, нѣтъ, уже не принадлежитъ!

Послѣ экзамена были опять счастливые дни. Но Митя уже не вѣрилъ имъ съ той легкостью, какъ прежде. Катя, вспоминая экзаменъ, говорила:

— Какой ты глупый! Развѣ ты не чувствовалъ, что я и читала-то такъ хорошо только для тебя одного!

Онъ держалъ ее на козлѣняхъ, цѣловалъ, наклоняясь, ея заголенное перламутровое козлѣно, цѣловалъ ея раскрытую грудь и молчалъ. Онъ не могъ забыть, что чувствовалъ онъ на экзаменѣ, и не могъ сознаться, что эти чувства и теперь не оставили его, то и дѣло возникали въ той или иной мѣрѣ. Чувствовала его тайныя чувства и Катя и однажды, во время ссоры, воскликнула:

— Не понимаю, за что ты любишь меня, если, по твоему, все такъ дурно во мнѣ! И чего ты наконецъ хочешь отъ меня?

Но онъ и самъ не понималъ, за что онъ любилъ ее, хотя чувствовалъ, что любовь его не только не уменьшается, но все возрастаетъ вмѣстѣ съ той ревнивой борьбой, которую онъ велъ съ кѣмъ-то (не съ самой ли Катей прежде всего?) изъ-за нея, изъ-за этой любви,

изъ-за ея напрягающейся силы, углубляющейся требовательности.

— Ты любишь только мое тѣло, а не душу! — горько сказала однажды Катя.

Опять это были чьи-то чужія, театральныя слова, но они, при всей ихъ вздорности и избитости, тоже касались чего-то мучительно-неразрѣшимого. Онъ не зналъ, за что любилъ, не могъ точно сказать, чего хотѣлъ... Что это значитъ вообще — любить? Отвѣтить на это было тѣмъ болѣе невозможно, что ни въ томъ, что слышалъ Митя о любви, ни въ томъ, что читалъ онъ о ней, не было ни одного точно опредѣляющаго ее слова. Въ книгахъ и въ жизни все какъ будто разъ и навсегда условились говорить или только о какой-то почти безплотной любви или только о томъ, что называется страстью, чувственностью. Его же любовь была не похожа ни на то, ни на другое, какъ не похожа была Катя не только на Шарлотту, на Гретхенъ, на Татьяну Пушкина, на героинь Тургенева, но и на героинь Зола, Мопассана, какъ не похожи были его чувства на чувства Вертера, Ромео, Онѣгина или тѣхъ несмѣтныхъ героевъ, что просто обольщали. Что испытывалъ онъ къ ней? То, что называется любовью или то, что называется страстью? Душа Кати или тѣло доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертнаго блаженства, когда онъ растегивалъ ея кофточку и цѣловалъ ея грудь, райски прелестную и дѣвственную, раскрытую съ какой-то душою потрясающей покорностью, безстыдностью чистѣйшей невинности?

IV

Въ апрѣлѣ Катя еще больше измѣнилась, просто неузнаваема стала.

Успѣхъ на экзаменѣ сыгралъ свою роль. И все таки не одно это такъ измѣнило ее. Несомнѣнно были на то

и какія-то другія причины. А Митя не понималъ, не зналъ ихъ и только поражался. Какъ-то сразу превратилась Катя съ наступленіемъ весны какъ бы въ какую-то молоденькую свѣтскую даму, блиставшую чуть не каждый день скромными, но дорогими нарядами, оживленную и вѣчно куда-то спѣшащую. Митѣ теперь просто стыдно было за свой темный коридоръ, когда она пріѣзжала, — теперь она не приходила, а всегда пріѣзжала — когда она, шурша шелкомъ, быстро шла по этому коридору, опустивъ на лицо вуальку. Теперь она бывала неизмѣнно нѣжна съ нимъ, но неизмѣнно опаздывала и сокращала свиданія, говори, что ей опять надо ѣхать съ мамой къ портнихѣ.

— Понимаешь, франтимъ на пропажую! — говорила она, кругло, весело и удивленно блестя глазами, отлично понимая, что Митя не вѣритъ ей, что слова ея звучатъ дѣланно, лживо, и все таки говоря, такъ какъ говорить теперь стало совсѣмъ не о чемъ.

И шляпки она теперь почти никогда не снимала, и зонтика не выпускала изъ рукъ, на отлетѣ сидя на кровати Мити и съ ума сводя его своими икрами, обтянутыми шелковыми чулками. А передъ тѣмъ какъ уѣхать и сказать, что нынче вечеромъ ея опять не будетъ дома, — опять надо къ кому-то съ мамой! — она неизмѣнно продѣлывала одно и то-же, съ явной цѣлью одурачить его, наградить за все его «глупая», какъ она выражалась, мученія: притворно-воровски взглядывала на дверь, соскальзывала съ кровати и съ неумѣренной страстностью говорила поспѣшнымъ шепотомъ:

— Ну, цѣлуй же меня!

И крѣпко охватывала его шею, извилисто прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ и разъ даже, во время особенно долгаго поцѣлуя, вдругъ что-то сдѣлала языкомъ, тѣсно вильнула бедрами по его ногамъ и, отскакивая, быстро прошептала:

— Нѣтъ, ты съ ума меня сводишь!

Этотъ поцѣлуй совершенно сразилъ Митю. Какъ, гдѣ могла она узнать такіе поцѣлуи?! У Мити еще не было никакой опытности даже въ поцѣлуяхъ, — первая зима въ Москвѣ совпала съ его первой любовью, — но онъ не могъ не понять всей необычности, всей особенности того, что сдѣлала Катя, цѣлуя его.

V

И въ концѣ апрѣля Митя наконецъ рѣшилъ дать себѣ отдыхъ, уѣхать въ деревню.

Онъ совершенно замучилъ и себя, и Катю, и мука эта была тѣмъ нестерпимѣе, что какъ будто не было никакихъ причинъ для нея: что въ самомъ дѣлѣ случилось, въ чемъ виновата Катя? И однажды Катя, съ твердостью отчаянія, сказала ему:

— Да, уѣзжай, уѣзжай, я больше не въ силахъ! Намъ надо временно разстаться, выяснитъ наши отношенія. Ты сталъ такъ худъ, что мама убѣждена, что у тебя чахотка. Я больше не могу!

И отъѣздъ Мити былъ рѣшенъ. Но уѣзжалъ Митя, къ великому своему удивленію, хотя и не помня себя отъ горя, все таки почти счастливый. Какъ только отъѣздъ былъ рѣшенъ, неожиданно вернулось все прежнее. Вѣдь онъ все таки страстно не хотѣлъ вѣрить ничему тому ужасному, что ни днемъ, ни ночью не давало ему покоя. И достаточно было малѣйшей переменъ въ Катѣ, чтобы опять все измѣнилось въ его глазахъ. А Катя опять стала нѣжна и страстна уже безъ всякаго притворства, — онъ чувствовалъ это съ безошибочной чуткостью ревнивыхъ натуръ, — и опять сталъ онъ сидѣть у нея до двухъ часовъ ночи, и опять было о чемъ говорить, и чѣмъ ближе становился отъѣздъ, тѣмъ все нелѣпѣе казалась разлука, надобность «выяснить отношенія». Разъ Катя даже заплакала, — а она никогда не плакала, — и эти слезы

вдругъ сдѣлали ее страшно родною ему, пронзили его чувствомъ острой жалости и какъ будто какой-то вины передъ ней.

Мать Кати въ началѣ іюня уѣзжала на все лѣто въ Крымъ и увозила и ее съ собой. Рѣшили встрѣтиться въ Мисхорѣ. Митя долженъ былъ добыть денегъ и тоже пріѣхать въ Мисхоръ.

И онъ собирался, дѣлалъ приготовленія къ отъѣзду, ходилъ по Москвѣ въ томъ странномъ опьянѣніи, которое бываетъ, когда человѣкъ еще бодро держится на ногахъ, но уже боленъ какой-то тяжелой болѣзью. Онъ былъ болѣзненно, пьяно несчастенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненно счастливъ, растроганъ возвратившейся близостью Кати, ея заботливостью къ нему, — она даже ходила съ нимъ покупать дорожные ремни, точно она была его невѣста или жена, — и вообще возвратомъ почти всего того, что напоминало первое время ихъ любви. И также воспринималъ онъ и все окружающее, — дома, улицы, идущихъ и ѣдущихъ по нимъ, погоду, все время по весеннему хмурившуюся, запахъ пыли и дождя, церковный запахъ тополей, распустившихся за заборами въ переулкахъ: все говорило о горечи разлуки и о сладости надежды на лѣто, на встрѣчу въ Крымъ, гдѣ уже ничто не будетъ мѣшать и все осуществится (хотя онъ и до сихъ поръ не зналъ, что именно все).

Въ день отъѣзда зашелъ проститься Протасовъ. Среди гимназистовъ старшихъ классовъ, среди студентовъ нерѣдко встрѣчаются юноши, усвоившіе себѣ манеру держаться съ добродушно-угрюмой насмѣшливостью, съ видомъ человѣка, который старше, опытнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Таковъ былъ и Протасовъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Мити, единственный настоящий другъ его, знавшій, не смотря на всю скрытность, молчаливость Мити, всѣ тайны его любви. Онъ глядѣлъ, какъ Митя завязывалъ чемоданъ, видѣлъ, какъ тряслись его руки, потомъ съ грустной мудростью ухмыльнулся и сказалъ:

— Чистыя вы дѣти, прости Господи! А за всѣмъ тѣмъ, любезный мой Вертеръ изъ Тамбова, все же пора бы понять, что Катя есть прежде всего типичнѣйшее женское естество, и что самъ полицеймейстеръ ничего съ этимъ не подѣлаетъ. Ты, естество мужское, лѣзешь на стѣну, предъявляешь къ ней высочайшія требованія инстинкта продолженія рода, и, конечно, все сіе совершенно законно, даже въ нѣкоторомъ смыслѣ священно. Тѣло твое есть высшій разумъ, какъ справедливо замѣтилъ геръ Нитше. Но законно и то, что ты на этомъ священномъ пути можешь сломать себѣ шею. Есть-же особи въ мірѣ животномъ, коимъ даже по штату полагается платить нѣной собственнаго существованія за свой первый и послѣдній любовный актъ. Но такъ какъ для тебя этотъ штатъ, вѣроятно, не совсѣмъ ужъ обязателенъ, то смотри въ оба, поберегай себя. Вообще, не спѣши. «Юнкеръ Шмитъ, честибе слово, лѣто возвратится!» Свѣтъ не лыкомъ шить, не клиномъ на Катѣ сошелся. Вижу по твоимъ усиліямъ задушить чемоданъ, что ты съ этимъ совершенно не согласенъ, что этотъ клинъ тебѣ весьма любезенъ. Ну, прости за непрощенный совѣтъ — и да хранитъ тебя Никола Угодникъ со всѣми присными его!

А когда Протасовъ, тиснувъ Митѣ руку, ушелъ, Митя, затягивая въ ремни подушку и одѣяло, услыхалъ въ свое открытое во дворъ окно, какъ загремѣлъ, пробуя голосъ, студентъ, жившій напротивъ, учившійся пѣнію и упражнявшійся съ утра до вечера, — запѣлъ «Азру» Тогда Митя заспѣшилъ съ ремнями, застегнулъ ихъ какъ понало, схватилъ картузь и пошелъ на Кисловку, — проститься съ матерью Кати. Мотивъ и слова пѣсни, которую запѣлъ студентъ, такъ настойчиво звучали и повторялись въ немъ, что онъ не видѣлъ ни улицъ, ни встрѣчныхъ, шелъ еще пьянѣе, чѣмъ ходилъ всѣ послѣдніе дни. Въ самомъ дѣлѣ было похоже на то, что свѣтъ клиномъ сошелся, что юнкеръ Шмитъ изъ пистолета хочетъ застрѣлиться! Ну, что-жь, сошелся такъ сошелся, думалъ онъ и опять

возвращался къ пѣснѣ о томъ, какъ, гуляя по саду и «красой своей сіяя», встрѣчала дочь султана въ саду чернаго невольника, который стоялъ у фонтана «блѣднѣе смерти»; какъ однажды спросила она его, кто онъ и откуда, и какъ отвѣтилъ онъ ей, начавъ зловѣще, но смиренно, съ угрюмой простотой:

Зовусь Магометомъ я... —

и кончивъ восторженно-трагическимъ воплемъ:

— Я изъ рода бѣдныхъ Азровъ,
Полюбивъ, мы умираемъ!

Катя одѣвалась, чтобы ѣхать на вокзалъ провожать его, ласково крикнула ему изъ своей комнаты, — изъ комнаты, гдѣ онъ провелъ столько незабвенныхъ часовъ! — что она пріѣдетъ къ первому звонку. Милая, добрая женщина съ малиновыми волосами сидѣла одна, курила и очень грустно посмотрѣла на него, — она, вѣроятно, все давно понимала, обо всемъ догадывалась. Онъ, весь алый, внутренне дрожащій, поцѣловалъ ея нѣжную и дряблую руку, по-сыновьи склонивъ голову, и она съ материнской лаской нѣсколько разъ поцѣловала его въ високъ и перекрестила.

— Эхъ, милый, — съ несмѣлой улыбкой сказала она словами Грибоѣдова, — живите-ка смѣясь! Ну, Христось съ вами, поѣзжайте, поѣзжайте...

Онъ не помнилъ, какъ вышелъ, вѣрнѣе, выбѣжалъ, зацѣпившись за коверъ въ прихожей, чуть не упалъ, но зато съ особенно злой твердостью застучалъ потомъ внизъ по лѣстницѣ.

VI

Сдѣлавъ все то посаѣднее, что нужно было сдѣлать въ померахъ, уложивъ свои вещи въ кривую извозничью пролетку при помощи коридорнаго въ русской рубахѣ,

онъ наконецъ неловко усѣлся возлѣ вещей, тронулся и тотчасъ же почувствовалъ то особое, что охватываетъ при отъѣздѣ, — конченъ (и навсегда) извѣстный срокъ жизни! — и вмѣстѣ съ тѣмъ внезапную легкость, надежду на начало чего-то новаго. Онъ нѣсколько успокоился и бодрѣе, какъ-бы новыми глазами сталъ глядѣть вокругъ. Конецъ, прощай Москва и все, что пережито въ ней! Накрапывало, хмурилось, въ переулкахъ было пусто, булыжникъ былъ темень и блестяль, какъ желѣзный, дома стояли невеселые, грязные. Извозчикъ везъ съ мучительной неспѣшностью и то и дѣло заставлялъ Митю отворачиваться и стараться не дышать. Проѣхали Кремль, потомъ Покровку и опять свернули въ переулки, гдѣ въ садахъ хрипло орала къ дождю и къ вечеру ворона, а все же была весна, — даже въ ревѣ и въ свисткахъ, уже доносившихся изъ-за Курскаго вокзала. Наконецъ и это кончилось, и Митя бѣгомъ кинулся за носильщикомъ по гулкому и людному вокзалу на перонъ, потомъ на третій путь, гдѣ уже былъ готовъ длинный и тяжелый курскій поѣздъ. И изъ всей огромной и безобразной толпы, осаждавшей поѣздъ, изъ-за всѣхъ носильщикомъ, съ грохотомъ и предупреждающими покрякиваніями натившихъ телѣжки съ вещами, онъ мгновенно выдѣлилъ, увидалъ то, что, «красой своей сіяя», одиноко стояло вдали и казалось совершенно особымъ существомъ не только во всей этой толпѣ, но и во всемъ мірѣ. Уже пробилъ первый звонокъ, — на этотъ разъ опоздалъ онъ, а не Катя. Она трогательно пріѣхала раньше его, она его искала и кинулась къ нему опять таки съ заботливостью жены или неврѣсты:

— Милый, занимай скорѣе мѣсто! Сейчасъ второй звонокъ!

А послѣ второго звонка она еще трогательнѣе стояла на платформѣ, снизу глядя на него, стоявшаго въ дверяхъ третьекласснаго вагона, уже биткомъ набитаго и вонючаго. Все въ ней было прелестно, — ея милое хорошенькое личико, ея небольшая фигурка, ея свѣжесть, молодость,

гдѣ женственность еще мѣшалась съ дѣтскостью, ея вверхъ поднятые сіяющіе глаза, ея голубая скромная шляпка, въ изгибахъ которой была нѣкоторая изящная задорность, и даже ея темно-сѣрый костюмъ, въ которомъ Митя съ обожаніемъ чувствовалъ даже матерію и шелкъ подкладки. Онъ стоялъ высокій, несладный, страшно худой, на дорогу онъ надѣлъ длинные грубые сапоги и старую гимназическую куртку, бѣлыя пуговицы которой были обтерты, краснѣли мѣдью. И все таки Катя смотрѣла на него непритворно любящимъ и грустнымъ взглядомъ. Третій звонокъ такъ неожиданно и рѣзко ударилъ по сердцу, что Митя ринулся съ площадки вагона какъ безумный, и такъ-же безумно, съ ужасомъ кинулась къ нему навстрѣчу Катя. Онъ припалъ къ ея перчаткѣ и, вскочивъ назадъ, въ вагонъ, сквозь слезы замахалъ ей картузомъ съ неистовымъ восторгомъ, а она подхватила рукой юбку и поплыла вмѣстѣ съ платформой назадъ, все еще не спускающая съ него поднятаго взгляда. Она плыла все быстрѣе по мѣрѣ того какъ вѣтеръ все сильнѣе трепалъ волосы высунувшагося изъ окна Мити, а паровозъ расходился все шибче, все безпощаднѣе, наглымъ, угрожающимъ ревомъ требуя путей, --- и вдругъ точно сорвало и ее, и конецъ платформы...

VII

Давно наступили долгіе весенніе сумерки, темные отъ дождевыхъ тучъ, тяжелый вагонъ грохоталъ въ голомъ и прохладномъ полѣ, — въ поляхъ весна была еще ранняя, — шли кондуктора по коридору вагона, спрашивая билеты и вставляя въ фонари свѣчи, а Митя все еще стоялъ возлѣ дребезжащаго окна, чувствуя запахъ Катиной перчатки, оставшіяся на его губахъ, все еще весь пылалъ острымъ огнемъ послѣдняго мига разлуки. И вся длинная московская зима, счастливая и мучительная, преобрази-

вшая всю жизнь его, вся цѣликомъ и уже совсѣмъ въ какомъ-то новомъ свѣтѣ вставала передъ нимъ. Въ новомъ свѣтѣ, опять въ новомъ, стояла теперь передъ нимъ и Катя... Да, да, кто сумѣетъ выразить, кто она, что она такое? А любовь, страсть, душа, тѣло? Это что такое? Ничего этого нѣтъ, — есть что-то другое, совсѣмъ другое! Вотъ этотъ запахъ перчатки — развѣ это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тѣло? И мужики, рабочіе въ вагонѣ, женщина, которая ведетъ въ отхожее мѣсто своего безобразнаго ребенка, тускляя свѣчи въ дребезжащихъ фонаряхъ, сумерки въ весеннихъ пустыхъ поляхъ — все любовь, все душа и все мука и все несказанная радость!

Утромъ былъ Орель, пересадка, провинціальный поѣздъ возлѣ дальней платформы. И Митя почувствовалъ: какой этой простой, спокойный и родной міръ по сравненію съ московскимъ, уже отошедшимъ куда то въ тридцатое царство, центромъ котораго была Катя, теперь такая какъ будто одинокая, жалкая, любимая только нѣжно! Даже небо, кое гдѣ подмазанное блѣдной синевой дождевыхъ облаковъ, даже чистый полевой вѣтерокъ тутъ проще и спокойнѣе... Поѣздъ изъ Орла потянулся медленно, медленно, и Митя не спѣша ѣлъ тульскій печатный пряникъ, сидя въ пустомъ вагонѣ. Потомъ, когда и Орель остался позади, поѣздъ разошелся и умоталъ, усыпилъ его.

Проснулся онъ только въ Верховьѣ. Поѣздъ стоялъ, было довольно многолюдно и суетливо, но тоже какъ-то захолустино. Пріятно пахло чадомъ станціонной кухни, Митя чувствовалъ голодь. Онъ съ удовольствіемъ съѣлъ тарелку щей и выпилъ бутылку пива, потомъ опять задремалъ, — глубокая усталость напала на него. А когда онъ опять очнулся, поѣздъ мчался по весеннему березовому лѣсу, уже знакомому, передъ послѣдней станціей. Опять по весеннему сумрачно темнѣло, въ открытое окно пахло дождемъ и какъ будто грибами. Лѣсъ стоялъ еще совсѣмъ голый, но все же грохотанье поѣзда отдавалось

въ немъ отчетливѣе, чѣмъ въ полѣ, а вдали уже мелькали по весеннему печальные огоньки станціи. Вотъ и высокій зеленый огонь семафора, — особенно прелестный въ такіе сумерки въ березовомъ голомъ лѣсу, — и поѣздъ со стукомъ сталъ переходить на другой путь... Боже, какъ по деревенски жалокъ и милъ работникъ, ждущій барчука на платформѣ! И далекая, столичная красота Кати вспыхнула въ воображеніи еще ярче...

Сумерки и тучи все сгущались, пока ѣхали отъ станціи по большому селу, тоже еще весеннему, грязному. Все тонуло въ этихъ необыкновенно мягкихъ сумеркахъ, въ глубочайшей тишинѣ земли, теплой ночи, слившейся съ темпотою неопредѣленныхъ, низко нависшихъ дождевыхъ тучъ, и опять Митя дивился и радовался: какъ спокойна, проста, убога деревня, эти пахучія курныя избы, уже давно спящія, — съ Благовѣщенья добрые люди не вздуваютъ огня, — и какъ хорошо въ этомъ темномъ и тепломъ степномъ мѣрѣ! Тарантасъ нырять по ухабамъ, по грязи, дубы за дворомъ богатаго мужика высились еще совсѣмъ нагіе, непривѣтливые, чернѣли грачиными гнѣздами. У избы стоялъ и вглядывался въ сумракъ странный, какъ будто изъ древности мужикъ: босыя ноги, рваный армякъ, баранья шапка на длинныхъ прямыхъ волосахъ... И пошелъ теплый, сладостный, душистый дождь. Митя подумалъ о дѣвкахъ, о молодыхъ бабахъ, спящихъ въ этихъ избахъ, обо всемъ томъ женскомъ, къ чему онъ приблизился за зиму съ Катей, и все сказочно слилось въ одно — Катя, дѣвки, ночь, весна, запахъ дождя, запахъ распаханной, готовой къ оплодотворенію земли, запахъ лошадиного пота и воспоминаніе о запахѣ лайковой перчатки... Митя откинулся въ задокъ тарантаса и, сквозь слезы, дрожащими руками, сталъ закуривать...

VIII

Въ деревнѣ жизнь началась днями мирными и очаровательными.

Ночью по пути со станціи Катя какъ будто померкла, растворилась во всемъ окружающемъ. Но нѣтъ, это только такъ показалось и казалось еще нѣсколько дней, пока Митя отсыпался, приходилъ въ себя, привыкалъ къ новизнѣ съ дѣтства знакомыхъ впечатлѣній родного дома, деревни, деревенской весны, весенней наготы и пустоты міра, опять чисто и молодо готоваго къ новому расцвѣту. Да даже и въ эти дни Катя была во всемъ и за всѣмъ, какъ когда-то (девять лѣтъ тому назадъ и тоже весной, когда умеръ отецъ) долго была во всемъ и за всѣмъ смертью.

Усадьба была небольшая, домъ старый и незатѣйливый, хозяйство несложное, не требующее большой дворни, — жизнь для Мити началась тихая. Сестра Аня, второклассница гимназистка, и братъ Костя, подростокъ кадетъ, были еще въ Орлѣ, учились, должны были пріѣхать не раньше начала іюня. Мама, Ольга Петровна, была, какъ всегда, занята хозяйствомъ, въ которомъ ей помогать только приказчикъ, — староста, какъ называли его на дворнѣ, — часто бывала въ полѣ, ѣздила на хуторъ, въ городъ, ложилась спать, какъ только темнѣло.

Когда Митя на другой день по пріѣздѣ, прославши двѣнадцать часовъ, вымытый, во всемъ чистомъ, вышелъ изъ своей солнечной комнаты, — она была окнами въ садъ, на востокъ, — и прошелъ по всѣмъ другимъ, онъ живо испыталъ чувство ихъ родственности и мирной, успокаивающей и душу, и тѣло простоты. Вездѣ все стояло на своихъ привычныхъ мѣстахъ, какъ и много лѣтъ тому назадъ, и такъ-же знакомо и пріятно пахло; вездѣ къ его пріѣзду все было прибрано особенно тщательно, — вѣдь онъ теперь пріѣхалъ домой уже не мальчикомъ, а какъ бы молодымъ хозяиномъ, — и во всѣхъ комнатахъ были

вымыты полы. Домывали только залъ, примыкавшій къ прихожей, къ лакейской, какъ се называли еще до сихъ поръ. Веснушчатая дѣвка, поденница съ деревни, стояла на окнѣ возлѣ дверей на балконѣ, тянулась къ верхнему стеклу, со свистомъ протирая его и отражаясь въ нижнихъ стеклахъ синѣющимъ, какъ-бы далекимъ, отраженіемъ. Горничная Параша, вытащивъ большую тряпку изъ ведра съ горячей водой, босая, бѣлоногая, шла по залитому полу на маленькихъ пяткахъ и сказала дружественно-развязной скороговоркой, вытирая потъ съ разгорѣвшагося лица сгибомъ засученной руки:

— Идите кушайте чай, мамаша еще до свѣту уѣхали на станцію со старостой, вы небось и не слышали...

И тотчасъ-же Катя властно напомнила о себѣ: Митя поймалъ себя на вожделѣніи къ этой засученной женской рукѣ и къ женственному изгибу тянувшейся вверхъ дѣвки на окнѣ, къ ея юбкѣ, подъ которую крѣпкими тумбочками уходили голыя ноги, и съ радостью ощутилъ власть Кати, свою принадлежность ей, почувствовалъ ея тайное присутствіе во всѣхъ впечатлѣніяхъ этого утра.

И присутствіе это чувствовалось все живѣе и живѣе съ каждымъ новымъ днемъ и становилось все прекраснѣе, по мѣрѣ того какъ Митя приходилъ въ себя, успокаивался, освобождался отъ болѣзненной остроты ощущеній, при которой все ранило въ Москвѣ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ безъ достаточныхъ основаній, — по мѣрѣ того какъ все полнѣе воспринималъ онъ весну, деревню и забывалъ ту, обыкновенную, Катю, которая въ Москвѣ такъ часто и такъ мучительно не сливалась съ Катей, созданной его желаніемъ.

Первый разъ жилъ онъ теперь дома какъ бы совсѣмъ взрослымъ, независимымъ человѣкомъ, съ которымъ даже мама держалась какъ-то иначе, чѣмъ прежде, а главное, жилъ съ первой настоящей любовью въ душѣ, уже осуществляя то самое, чего втайнѣ ждало все его существо съ дѣтства, съ отрочества, то единственно, для чего оно росло и зрѣло, можетъ быть, съ самаго перваго своего дня на землѣ. Еще въ младенствѣ дивно и таинственно шевельнулось въ немъ невыразимое на человѣческомъ языкѣ ощущеніе. Когда-то и гдѣ-то, должно быть, тоже весной, въ саду, возлѣ кустовъ сирени, — запомнился острый запахъ шпанскихъ мухъ, — онъ, совсѣмъ маленький, стоялъ съ какой-то молодой женщиной, — вѣроятно, съ своей нянькой, — и другъ что-то точно озарилось передъ нимъ небеснымъ свѣтомъ, — не то лицо ея, не то сарафанъ на полной груди, — и что-то горячей волной прошло, разыграло въ немъ, истинно какъ дитя во чревѣ матери... Но то было какъ во снѣ. Какъ во снѣ было и все, что было потомъ, — въ дѣтствѣ, отрочествѣ, въ гимназическіе годы. Были какія-то особыя, ни на что не похожія восхищенія то-одной, то другой изъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя пріѣзжали со своими матерями на его дѣтскіе праздники, тайное жадное любопытство къ каждому движенію этого чарующаго, тоже ни на что не похожаго маленькаго существа въ платьицѣ, въ башмачкахъ, съ бантомъ шелковой ленты на головкѣ. Было (это уже позднѣе, въ губернскомъ городѣ) длившееся почти всю осень и уже гораздо болѣе сознательное восхищеніе гимназисточкой, часто появлявшейся по вечерамъ на деревѣ за заборомъ сосѣдняго сада: ея рѣзвость, насмѣшливость, коричневое платьице, круглый гребешокъ въ волосахъ, грязныя ручки, смѣхъ, звонкій крикъ — все было таково, что Митя думалъ о ней съ утра до вечера, грустилъ, порою даже плакалъ, неутолимо чего-то желая отъ нея. Потомъ и это какъ-то само собой кончилось, забылось, и

были новыя, болѣе или менѣе долгиа, — и опять такі сокровенныя, — восхищенія, были острыя радости и горести внезапной влюбленности на гимназическихъ балахъ, а въ четвертомъ классѣ былъ даже почти настоящій романъ съ высокою чернобровой шестиклассницей, когда Митя въ первый разъ въ жизни коснулся однажды — только однажды — нѣжной дѣвичьей щеки губами и испыталъ такой неземной, подобный первому причастію трепеть, равнаго которому онъ потомъ уже никогда не испытывалъ, даже съ Катей. А затѣмъ, когда и этотъ романъ какъ-то оборвался и забылся, долго были только однѣ томленія въ тѣлѣ, въ сердцѣ-же только какія-то предчувствія, ожиданія. Теперь было особенно ясно, что до встрѣчи съ Катей вся его жизнь, всѣ восхищенія, мечты и надежды были только сномъ со смутными видѣніями, наитіями, когда даже весна такъ невнятно, хотя и плѣнительно, входила въ его душу.

Онъ родился и выросъ въ деревнѣ, но гимназистомъ поневолѣ проводилъ весну въ городѣ, за исключеніемъ одного года, позапрошлаго, когда онъ, пріѣхавъ въ деревню на масляницу, захворалъ и, поправляясь, пробылъ дома мартъ и половину апрѣля. Это было незабвенное время. Недѣли двѣ онъ лежалъ и только въ окно видѣлъ каждый день мѣняющіяся вмѣстѣ съ увеличеніемъ въ мірѣ тепла и свѣта небеса, снѣгъ, садъ, его стволы и вѣтви. Онъ видѣлъ: вотъ утро, и въ комнатѣ такъ ярко и тепло отъ солнца, что уже ползаютъ по стекламъ оживающія мухи... вотъ послѣобѣденный часъ на другой день: солнце за домомъ, съ другой его стороны, а въ окнѣ уже до голубизны блѣдный весенній снѣгъ и мраморное небо — крупныя бѣлыя облака въ синевѣ, въ вершинахъ деревьевъ... а вотъ, еще черезъ день, въ облачномъ небѣ такія яркія прогалины и на корѣ деревьевъ такой мокрый блескъ и такъ каплетъ съ крыши надъ окномъ, что не нарадуешься, не наглядитшься... Послѣ-же этого пошли теплые туманы, дожди, снѣгъ распустило и сѣло въ

нѣсколько сутокъ, тронулась рѣка, стала радостно и ново чернѣть, обнажаться и въ саду, и на дворѣ земля... И надолго запомнился Митѣ одинъ день въ концѣ марта, когда онъ въ первый разъ поѣхалъ верхомъ въ поле. Небо не ярко, но такъ живо, такъ молодо свѣтилось въ блѣдныхъ, въ безцвѣтныхъ деревьяхъ сада. Въ полѣ еще свѣжо дуло, жнивья были дики и рыжи, а тамъ гдѣ пахали, — уже пахали подъ овесъ, — маслянисто, съ первобытной мощью чернѣли взметы. И онъ цѣликомъ ѣхалъ по этимъ жнивьямъ и взметамъ по направленію къ лѣсу, лежавшему вдаль, въ лощинахъ, и издавѣка видѣлъ его въ чистомъ воздухѣ, — голый, маленькій, видный изъ конца въ конецъ, — потомъ спустился въ эти лоцины и зашумѣлъ копытами лошади по глубокой прошлогодней листьѣ, мѣстами совсѣмъ сухой, палевой, мѣстами мокрой, коричневой, переѣхалъ засыпанные ею овраги, гдѣ еще шла полая вода, а изъ-подъ кустовъ съ трескомъ вырывались прямо изъ-подъ ногъ лошади смугло-золотые вальдшнепы... Чѣмъ была для него вся эта весна и особенно этотъ день, когда такъ свѣжо дуло навстрѣчу ему въ полѣ, а лошадь, одолѣвавшая насыщенные влагой жнивья и черныя пашни, такъ шумно дышала широкими ноздрями, храпя и ревя нутромъ съ великолѣпной дикой силой? Казалось тогда, что именно эта весна и была его первой настоящей любовью, днями сплошной влюбленности въ кого-то и во что-то, когда онъ любилъ всѣхъ гимназистокъ и всѣхъ дѣвокъ въ мірѣ. Но, Боже, какимъ далекимъ казалось ему это время теперь! Насколько былъ онъ тогда еще совсѣмъ мальчикъ, невинный, простосердечный, бѣдный своими скромными печалями, радостями и мечтаніями! Теперь этого мальчика даже жалко было, какой-то грустной и нѣжной жалостью. Сномъ или скорѣе воспоминаніемъ о какомъ-то чудномъ снѣ была тогда его безпредметная, безплотная любовь. Теперь же въ мірѣ была Катя, была душа, этотъ міръ воплотившая и надо всѣмъ надъ нимъ торжествующая.

X

Только разъ за это первое время Митиной деревенской жизни напомнила о себя Катя зловѣще. Однажды поздно вечеромъ, возбужденный сладострастными мечтами о Катѣ, Митя на минуту вышелъ на заднее крыльцо. Было очень темно, тихо, пахло сырýmъ полемъ. Изъ-за ночныхъ облаковъ, надъ смутными очертаніями сада, слезились мелкія звѣзды. И вдругъ гдѣ-то вдали что-то дико, дьявольски гукнуло и закатилось лаемъ, визгомъ. Митя вздрогнулъ, оцѣпенѣлъ, потомъ осторожно сошелъ съ крыльца, вошелъ въ темную, какъ-бы со всѣхъ сторонъ враждебно сторожащую его аллею, снова остановился и сталъ ждать, слушать: что это такое, гдѣ оно, — то, что такъ неожиданно и страшно огласило садъ? Сычъ, конечно, пугачъ, совершающій свою любовь, и больше ничего, думалъ онъ, а весь замиралъ какъ бы отъ незримаго присутствія въ этой тьмѣ самого дьявола. И вдругъ опять раздался гулъ, всю Митину душу потрясшіей вой, гдѣ-то близко, въ верхушкахъ аллен, затрещало, зашумѣло — и дьяволъ безшумно перенесся куда-то въ другое мѣсто сада. Тамъ онъ сначала залаялъ, потомъ сталъ жалобно, моляще, какъ ребенокъ, ныть, плакать, хлопать крыльями и клекотать съ мучительнымъ наслажденіемъ, сталъ взвизгивать, закатываться такимъ ерническимъ смѣхомъ, точно его щекотали и пытали. Митя, весь дрожа, впился въ темноту и глазами, и слухомъ. Но дьяволъ вдругъ сорвался, захлебнулся и, прорѣзавъ темный садъ предсмертно-истомнымъ воплемъ, точно сквозь землю провалился. Напрасно прождавъ возобновенія этого любовнаго ужаса еще нѣсколько минутъ, Митя тихо вернулся домой — и всю ночь мучился сквозь сонъ всѣми тѣми болѣзненными и отвратительными мыслями и чувствами, въ которыя превратилась въ мартѣ въ Москвѣ его любовь. А, — думалъ онъ, — кто знаетъ, гдѣ и съ кѣмъ теперь Катя

и не совершаетъ-ли и она въ эту ночь свою животную любовь!

Однако утромъ, при солнцѣ, его ночныя терзанія быстро разсѣялись. Онъ вспомнилъ, какъ заплакала Катя, когда они твердо рѣшили, что онъ долженъ на время уѣхать изъ Москвы, вспомнилъ, съ какимъ восторгомъ она ухватилась за мысль, что онъ тоже пріѣдетъ въ Крымъ въ началѣ іюня, и какъ трогательно помогала она ему въ его приготовленіяхъ къ отъѣзду, какъ провожала она его на вокзалъ... Онъ вынулъ ея фотографическую карточку, долго, долго вглядывался въ ея маленькую рядную головку, поражаясь чистотой, ясностью ея прямого, открытаго (чуть круглаго) взгляда... Потомъ написалъ ей особенно длинное и особенно сердечное письмо, полное вѣры въ ихъ любовь, и опять возвратился къ непрестанному ощущенію ея любовнаго и свѣтлаго пребыванія во всемъ, чѣмъ онъ жилъ и радовался.

Онъ помнилъ, что онъ испыталъ, когда умеръ отецъ, девять лѣтъ тому назадъ. Это было тоже весной. На другой день послѣ этой смерти, робко, съ недоумѣніемъ и ужасомъ пройдя по залу, гдѣ съ высоко поднятой грудью и сложенными на ней большими блѣдными руками лежалъ на столѣ, чернѣлъ своей сквозной бородой и бѣлѣлъ носомъ наряженный въ дворянскій мундиръ отецъ, Митя вышелъ на крыльцо, глянулъ на стоявшую воалѣ двери огромную крышку гроба, обитую золотой парчей, — и вдругъ почувствовалъ: въ мірѣ смерть! Она была во всемъ: въ солнечномъ свѣтѣ, въ весенней травѣ на дворѣ, въ небѣ, въ саду... Онъ пошелъ въ садъ, въ пеструю отъ свѣта липовую аллею, потомъ въ боковыя аллеи, еще болѣе солнечныя, глядѣлъ на деревья и на первыхъ бѣлыхъ бабочекъ, слушалъ первыхъ сладко заливающихся птицъ — и ничего не узнавалъ: во всемъ была смерть, страшный столъ въ залѣ и длинная парчевая крышка на крыльцѣ! Не попрежнему, какъ-то не такъ свѣтило солнце, не такъ

зеленѣла трава, не такъ замирали на весенней, только еще сверху горячей травѣ бабочки, — все было не такъ, какъ сутки тому назадъ, все преобразилось какъ бы отъ близости конца міра, и жалка, горестна стала прелесть весны, ея вѣчной юности! И это длилось долго и потомъ, длилось всю весну, какъ еще долго чувствовался — или мнился — въ вымытомъ и много разъ провѣтренномъ домѣ страшный, мерзкій, сладковатый запахъ...

Такое же навожденіе, — только совсѣмъ другого порядка, — испытывалъ Митя и теперь: эта весна, весна его первой любви, тоже была совершенно иная, чѣмъ всѣ прежнія весны. Міръ опять былъ преображенъ, опять полонъ какъ будто чѣмъ-то постороннимъ, но только не враждебнымъ, не ужаснымъ, а напротивъ, — дивно сливающимся съ радостью и молодостью весны. И это постороннее была Катя или, вѣрнѣе, то прелестнѣйшее въ мірѣ, чего отъ нея хотѣлъ, требовалъ Митя. Теперь, по мѣрѣ того какъ шли весенніе дни, онъ требовалъ отъ нея все больше и больше. И теперь, когда ея не было, былъ только ея образъ, образъ не существующій, а только желанный, она, казалось, ничѣмъ не нарушала того безпорочнаго и прекраснаго, чего отъ нея требовали, и съ каждымъ днемъ все живѣе и живѣе чувствовалась во всемъ, на что бы ни взглянулъ Митя.

XI

Онъ съ радостью убѣдился въ этомъ въ первую-же недѣлю своего пребыванія дома. Тогда былъ какъ бы еще канувъ весны. Онъ сидѣлъ съ книгой возлѣ открытаго окна гостиной, глядѣлъ межъ стволовъ пихтъ и сосенъ въ палисадникѣ на грязную рѣчку въ лугахъ, на деревню на косогорахъ за рѣчкой: еще съ утра до вечера, неустанно, изнемогая отъ блаженной холпотливости, такъ, какъ орутъ они только ранней весной, орали грачи въ голыхъ

вѣковыхъ березахъ въ сосѣднемъ помѣщичьемъ саду, и еще дикъ, сѣрь былъ видъ деревни на косогорахъ и только еще одиѣ лозины покрывались тамъ желтоватой зеленью... Онъ шелъ въ садъ: и садъ былъ еще низокъ и голъ, прозраченъ, — только зеленѣли поляны, всѣ испещренныя мелкими бирюзовыми цвѣточками, да опушился акатникъ вдоль аллеи и блѣдно бѣлѣлъ, мелко цвѣлъ одинъ вишенникъ въ лонинѣ, въ южной, нижней части сада... Онъ выходилъ въ поле: еще пусто, сѣро было въ полѣ, еще щетной торчало жнивье, еще колчеваты и фіолетовы были высохшія полевая дорожки... И все это была нагота молодости, поры ожиданія — и все это была Катя. И это только такъ казалось, что отвлекаютъ дѣвки поденщицы, дѣлающія то то, то другое въ усадьбѣ, работники въ людской, чтеніе, прогулки, хожденіе на деревню къ знакомымъ мужикамъ, разговоры съ мамой, поѣздки со старостой (рослымъ, грубымъ отставнымъ солдатомъ) въ поле на бѣговыхъ дрожжахъ.

Потомъ прошла еще недѣля. Разъ ночью былъ обломный дождь, а потомъ горячее солнце какъ-то сразу вошло въ силу, весна потеряла свою кротость и блѣдность, и все вокругъ на глазахъ стало мѣняться не по днямъ, а по часамъ. Стали распахивать, превращать въ черный бархатъ жнивья, зазеленѣли полевая межи, сочнѣе стала мурава на дворѣ, гуще и ярче засинѣло небо, быстро сталъ одѣваться садъ свѣжей, мягкой даже на видъ зеленью, залиловѣли и запахла сѣрыя кисти сирени и уже появилось множество черныхъ, металлически блестящихъ синевой крушныхъ мухъ на ея темно-зеленой глящей листвѣ и на горячихъ пятнахъ свѣта на дорожкахъ. На яблоняхъ, грушахъ еще были видны вѣтви, ихъ едва тронула мелкая, сѣрватая и особенно мягкая листва, но за то весь фруктовый садъ уже зацвѣлъ, — яблони и груши, всюду простираниія сѣти своихъ кривыхъ вѣтвей подъ другими деревьями, всѣ закудрявились маечнымъ свѣгомъ. и съ каждымъ днемъ этотъ цвѣтъ становился все бѣлѣе, все

гуще и все благовоннѣе. Въ это дивное время радостно и пристально наблюдалъ Митя за всѣми весенними измѣненіями, происходящими вокругъ него. Но Катя не только не отступала, не терялась среди нихъ, а напротивъ, — она участвовала въ нихъ во всѣхъ и всему придавала себя, свою красоту, расцвѣтающую вмѣстѣ со всѣмъ расцвѣтомъ весны, съ этимъ все роскошнѣе бѣлѣющимъ садомъ и все темнѣе синѣющимъ небомъ.

XII

И вотъ однажды, выйдя въ залъ, полный предвечерняго солнца, къ чаю, Митя неожиданно увидѣлъ возлѣ самовара почту, которую онъ напрасно ждалъ все утро. Онъ быстро подошелъ къ столу — уже давно, давно должна была Катя отвѣтить хоть на одно изъ писемъ, что отправилъ онъ ей, — и ярко и жутко блеснулъ ему въ глаза небольшой изысканный конвертъ съ надписью на немъ знакомымъ жалкимъ почеркомъ. Онъ схватилъ его и зашагалъ вонъ изъ дома, потомъ по саду, по главной аллеѣ. Онъ ушелъ въ самую дальнюю часть сада, туда, гдѣ черезъ него проходила лощина, и, остановясь и оглянувшись, быстро разорвалъ конвертъ. Письмо было кратко, всего въ нѣсколько строкъ, но Митѣ нужно было разъ пять прочесть ихъ, чтобы наконецъ понять — такъ колотилось его сердце. «Мой любимый, мой единственный!» — читалъ и перечитывалъ онъ — и земля плыла у него подъ ногами отъ этихъ восклицаній. Онъ поднялъ глаза: --- надъ садомъ торжественно и радостно сіяло небо, вокругъ сіялъ садъ своей снѣжной бѣлизной, соловей, уже чуя предвечерній холодокъ, четко и сильно, со всей сладостью соловьиного самозабвенія, шелкалъ въ свѣжей зелени дальнихъ кустовъ — и кровь отлила отъ его лица, мурашки побѣжали по волосамъ...

Домой онъ шелъ медленно — чаша его любви была

ножна съ краями. И также осторожно носилъ онъ ее въ себѣ и слѣдующіе дни, тихо и счастливо, даже гордо ожидая новаго письма.

XIII

Дни шли, смѣнялись одинъ другимъ, а новаго письма не было. «Будеть, будеть!» — безъ словъ говорилъ себѣ Митя. Но письма все не было, и понемногу имъ стало овладѣвать тайное безпокойство, уже мѣшающее счастью и беззаботности не только днемъ, но и ночью, во снѣ.

Садъ разнообразно одѣвался, садъ цвѣлъ.

Огромный старый кленъ, возвышавшійся надъ всей южной частью сада, видный отовсюду, сталъ еще больше и виднѣе, — одѣлся до послѣдней вѣтви и зеленѣлъ ярко и пышно на диво.

Выше и виднѣе стала и главная аллея, въ которую Митя постоянно смотрѣлъ изъ своихъ оконъ: вершины ея старыхъ липъ, тоже покрывшіяся, хотя еще и прозрачно, узоромъ юной листвы, поднялись и протянулись надъ садомъ свѣтло-зеленой грядою.

А ниже клена, ниже аллеи и другихъ одѣвшихся деревьевъ лежало цѣлое море кудряваго сливочнаго цвѣта, благоухающее въ солнечномъ свѣтѣ.

И все это: огромная и пышная вершина клена, свѣтло-зеленая гряда аллеи, подвѣсочная бѣлизна яблонь, грушъ, черемухъ, солнце, синева неба и все то, что разрасталось въ низахъ сада, въ лощинѣ, вдоль боковыхъ аллей и дорожекъ и подъ фундаментомъ южной стѣны дома, то есть кусты сирени, акаціи, смородины, лопухи, крапива, черибыльничъ, все поражало и радовало своей густотой, свѣжестью и новизной.

На чистомъ зеленомъ дворѣ отъ надвигающейся отовсюду растительности стало какъ будто тѣснѣе, домъ

сталъ какъ будто меньше и красивѣе. Онъ какъ будто ждалъ гостей — по цѣлымъ днямъ были открыты и двери, и окна во всѣхъ комнатахъ: въ бѣломъ залѣ, въ синей старомодной гостиной, въ маленькой диванной, тоже синей и увѣшанной овальными миниатюрами, и въ солнечной библиотекѣ, большой и пустой угловой комнатѣ со старыми иконами въ переднемъ углу и низкими книжными шкапами изъ ясени вдоль стѣнъ. И вездѣ въ комнаты празднично глядѣли приблизившіяся къ дому разнообразно зеленыя, то свѣтлыя, то темныя, деревья съ яркой синевою между вѣтвями.

Но письма не было. И Митѣ было уже не по себѣ. Онъ зналъ неспособность Кати къ письмамъ и то, какъ трудно ей всегда собраться съѣсть за письменный столъ, найти перо, бумагу, конвертъ, а главное, не забыть купить марку и остановиться возлѣ почтоваго ящика. Онъ напоминалъ себѣ, что вѣдь сикоемъ-же былъ онъ цѣлыхъ двѣ недѣли до полученія перваго письма. Но разумныя соображенія опять стали плохо помогать. Счастливая, даже гордая увѣренность, съ которой онъ нѣсколько дней ждалъ втораго письма, исчезла, — онъ томился и тревожился все сильнѣе. Вѣдь за такимъ письмомъ, какъ первое, немедленно, тотчасъ-же должно было послѣдовать что-то еще болѣе прекрасное и радующее. Но Катя молчала.

Онъ рѣже сталъ ходить на деревню, ѣздить въ поле. Одно время онъ даже началъ сидѣть въ библиотекѣ, рыться въ ясеневыхъ шкапахъ, перелистывать журналы, уже десятки лѣтъ желтѣвшіе и сохнувшіе въ нихъ. Къ чтенію онъ былъ не склоненъ — Протасовъ не даромъ называлъ его «малограмотнымъ», — но въ журналахъ было много прекрасныхъ стиховъ старыхъ поэтовъ, чудесныхъ строкъ, говорившихъ, конечно, почти всегда объ одномъ, — о томъ, чѣмъ полны всѣ стихи и пѣсни съ начала міра, чѣмъ жила теперь и его душа и что неизмѣнно могъ онъ такъ или иначе отнести къ самому себѣ, къ своей любви, къ Катѣ:

Была чудесная весна,
Они на берегу сидѣли,
На утрѣ лѣтъ была она,
Его усы едва чернѣли...

И часто случалось, что онъ по цѣлымъ часамъ не выходилъ изъ солнечной тишины библиотеки, неподвижно сидѣлъ въ креслѣ возлѣ раскрытаго шкапа и на всѣ лады сладко мучилъ себя, читая и перечитывая:

Люди спать, — мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ!
Люди спать, одни лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ, — слышать только соловей,
Да и тотъ не слышитъ: пѣснь его громка,
Развѣ слышать только сердце и рука,
Слышать сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли!

Всѣ эти чарующія слова, всѣ эти призывы были какъ бы его собственными, обращены были теперь какъ будто только къ одной, къ той, кого неотступно видѣлъ во всемъ и всюду онъ, Митя, и звучали порою почти грозно:

Надъ зеркальными водами
Машутъ лебеди крылами —
И колышется рѣка:
О приди-же! Звѣзды блещутъ,
Листья медленно трепещутъ
И находятъ облака...

Онъ, закрывая глаза, холодѣя, по нѣсколько разъ кряду повторялъ этотъ призывъ, зовъ сердца, переполненнаго любовной силой, жаждущей своего торжества, блаженнаго разрѣшенія. Потомъ долго смотрѣлъ передъ собою — на бѣлый садъ за окномъ, на зелень кустовъ, на дѣдовскій кленъ, возвышавшійся надъ садомъ, слушанъ глубокое деревенское молчаніе, окружавшее домъ, — и

горько качаль головой. Нѣтъ, она не отзывалась, она безмолвно сіяла гдѣ-то тамъ, въ чужомъ и далекомъ московскомъ мірѣ! А развѣ тамъ было ея мѣсто? Развѣ не ей напоминалъ онъ?

Ты помнишь-ли, Марія,
Одинъ старинный домъ,
И липы вѣковыя
Надъ дремлющемъ прудомъ?
Безмолвныя аллеи,
Заглохшій старый садъ,
Въ высокой галлерей
Портретовъ длинный рядъ?

И непонятныя слезы загорались у него на глазахъ, когда онъ читалъ строки, столь какъ-будто неподходящія къ его любви, а межъ тѣмъ почему-то до боли умилявшія его:

Я твой, родимая дубрава!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ:
Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ, —
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ...

Но чаще всего уносило его совсѣмъ въ другой міръ:

Клонить къ лѣни полдень ягучій,
Въ листьяхъ замеръ каждый звукъ,
Въ розѣ, пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ, —

читалъ и перечитывалъ онъ — и его охватывали страстныя мечты о встрѣчѣ съ Катей въ Крыму, о Мисхорѣ, который онъ хорошо представлялъ себѣ, такъ какъ въ отрочествѣ былъ въ Крыму два раза. Боже мой, Боже мой, неужели ни-

когда не дождется онъ этого жгучаго полдня, розъ и лавровъ, моря, горящаго синимъ пламенемъ между кипарисами! Неужели Богъ лишитъ его этого счастья — нѣкогда сказать ей:

Ты помнишь-ли вечерь, какъ море шумѣло,
Въ шиловникѣ пѣлъ соловей,
Душистая вѣтки акаціи бѣлой
Качались на шляпкѣ твоей?

Холодѣя и блѣднѣя отъ этого безотвѣтнаго вопроса, онъ тупо глядѣлъ передъ собою, потомъ голова его медленно клонилась... И опять медленно таяла, отливала отъ его сердца грусть, нѣжность — и опять, опять росло и ширилось что то жестокое и зловѣщее, страстное и грозное, какъ нѣкое неотразимое заклятіе:

Надъ зеркальными водами
Машутъ лебедь крылами —
И колышется рѣка:
О приди-же! Звѣзды блеснутъ
Листья медленно трепещутъ
И находятъ облака...

XIV

Однажды, подремавъ послѣ обѣда, — обѣдали въ полдень — Митя вышелъ изъ дома и не спѣша пошелъ въ садъ. Въ саду часто работали дѣвки, окапывали яблони, работали онѣ и нынче. Митя шелъ посидѣть возлѣ нихъ, поболтать съ ними, — это уже входило у него теперь въ привычку.

День былъ жаркій, тихій. Митя шелъ въ сквозной гѣни аллеи и далеко видѣлъ справа отъ себя, подъ солнцемъ, кудрявыя бѣлоснѣжныя вѣтви. Особенно силенъ, густъ былъ цвѣтъ на грушахъ, и смѣсь этой бѣлизны и

яркой синевы неба давала фиолетовый отблесокъ. И груши, и яблони цвѣли и осыпались, разрытая земля подъ ними была вся усѣяна блеклыми лепестками. Въ теплому воздуху чувствовался ихъ сладковатый нѣжный запахъ вмѣстѣ съ запахомъ нагрѣтаго и прѣющаго на скотномъ дворѣ навоза. Иногда находило облачко, синее небо голубѣло, и теплый воздухъ и эти тлѣнные запахи дѣлались еще нѣжнѣе и слаще. И все душистое тепло этого весенняго рая дремотно и блаженно гудѣло отъ пчелъ и шмелей, зарывавшихся въ его медвяный кудрявый снѣгъ. И все время, блаженно скучая, по дневному, то тамъ, то здѣсь цокалъ то одинъ, то другой соловей.

Аллея кончалась вдали воротами на гумно. Впали налѣво, въ углу садоваго вала, чернѣлъ ельникъ. Возлѣ ельника пестрѣли среди яблонь двѣ дѣвки. Митя, какъ всегда, повернулъ со середины аллеи на нихъ, нагибаясь, пошелъ среди низкихъ и раскидистыхъ вѣтвей, женственно касавшихся его лица и пахнувшихъ и медомъ, и какъ будто лимономъ. И, какъ всегда, одна изъ дѣвокъ, рыжая, худая Сонька, лишь только завидѣла его, дико захохотала и закричала:

— Ой, хозяинъ идетъ! — закричала она съ притворнымъ испугомъ и, соскочивъ съ толстаго сука груши, на которомъ она отдыхала, кинулась къ лопатѣ.

Другая дѣвка, Глашка, слѣлала, напротивъ, виль, что совсѣмъ не замѣчаетъ Митю и, не спѣша, крѣпко ставя на желѣзную лопату ногу въ мягкой чупѣ изъ чернаго войлока, за которую набились бѣлые лепестки, энергично врѣзая лопату въ землю и переворачивая отрѣзанный комоть, громко запѣла сильнымъ и пріятнымъ голосомъ: «Ужъ ты садъ, ты мой садъ, для кого-жъ ты цвѣтешь!» Это была дѣвка рослая, мужественная и всегда серьезная.

Митя подошелъ и сѣлъ на мѣсто Соньки, на старый грушевый сукъ, лежавшій на разсохѣ. Сонька ярко

глянула на него и громко, съ дѣланной развязностью и веселостью спросила:

— Ай только встали? Ай дюже счастливый сонъ снился? Не слышали, какъ соловей-то подь вашимъ окномъ пѣлъ? Смотрите дѣла не проспите!

Митя правился ей, и она всячески старалась скрыть это, но не умѣла, держала себя при немъ неловко, говорила что попало, всегда однако намекая на что-то, смутно угадывая, что разсѣянность, съ которой Митя постоянно и приходилъ и уходилъ, не простая. Она подозрѣвала, что Митя живеть съ Парашей или по крайней мѣрѣ домогается этого, она ревновала и говорила съ нимъ то нѣжно, то рѣзко, глядѣла то томно, давая понять свои чувства, то холодно и враждебно. И все это доставляло Митѣ странное удовольствіе. Письма не было и не было, онъ теперь не жилъ, а только изо дня въ день существовалъ въ непрестанномъ ожиданіи, все болѣе томясь этимъ ожиданіемъ и невозможностью ни съ кѣмъ подѣлиться тайной своей любви и муки, поговорить о Катѣ, о свихъ надеждахъ на Крымъ, и потому намеки Соньки на какую-то его любовь были ему пріятны: вѣдь все таки эти разговоры какъ бы касались того сокровеннаго, чѣмъ томилась его душа. Волновало его и то, что Сонька влюблена въ него, а значить отчасти близка ему, что дѣлало ее какъ-бы тайной соучастницей любовной жизни его души, даже давало порой странную надежду, что въ Сонькѣ можно найти не то наперсницу своихъ чувствъ, не то нѣкоторую замѣну Кати: вѣдь и Сонька была дѣвушка, женщина, вообще то страшное, дивное, женское, къ чему такъ жадно стремился онъ.

Теперь Сонька, сама того не подозрѣвая, опять коснулась его тайны: «Смотрите дѣла не проспите!» Онъ посмотрѣлъ вокругъ. Сплошная темно-зеленая чаша ельника, стоявшая передъ нимъ, казалась отъ яркости дня почти черной, и небо сквозило въ ея острыхъ верхушкахъ особенно великолѣпной синевой. Молодая зелень лишь,

кленовъ, вязовъ, насквозь свѣтлая отъ солнца, всюду проникавшаго ее, составляла по всему саду легкой радостный навѣсъ, сыпала пестроту тѣни и яркихъ пятенъ на траву, на дорожки, на поляны, жаркій и душистый цвѣтъ, бѣлѣвшій подъ этимъ навѣсомъ, казался фарфоровымъ, сіяль, свѣтился тамъ, гдѣ солнце тоже проникало его. Митя подумаль:

Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый
 Дремлющихъ кленовъ шатерь...
 Только въ мірѣ и есть, что душистый
 Милой головки проборъ... —

и, противъ воли улыбаясь, спросилъ Соньку:

— Какое-же дѣло я могу проспять? То-то и горе, что у меня и дѣль-то никакихъ нѣту.

— Молчите ужъ, не божитесь, и такъ повѣрю! — крикнула Сонька въ отвѣтъ весело и грубо, опять своимъ недоувѣремъ къ отсутствію у Мити любовныхъ дѣлъ доставляя ему удовольствіе, и вдругъ опять заорала, отмахиваясь отъ рыжаго, съ бѣлой курчавой шерсткой на лбу теленка, который медленно вышелъ изъ ельника, подошелъ къ ней сзади и сталъ жевать оборку ея ситцеваго платья:

— Ахъ, оморокъ тебя возьми! Вотъ еще сыночка Богъ послалъ!

— Правда, говорятъ, за тебя сватаются? — сказала Митя, не зная, что сказать, а желая продолжить разговоръ. — Говорятъ, дворъ богатый, малый красивый, а ты отказала, отца не слушаешься...

— Богатъ, да дурковать, въ головѣ рано смеркается, — бойко отвѣтила Сонька, нѣсколько польщенная. — У меня, можетъ, объ другомъ объ комъ думки идутъ...

Серьезная и молчаливая Глашка, не прерывая работы, покачала головой:

— Ужъ и несешь ты, дѣвка, и съ Дону, и съ моря! —

не громко сказала она. — Ты тутъ брешешь спросонья, а по селу слава поидеть...

— Молчи, не кудахтай! — крикнула Сонька. — Авось я не ворона, есть оборона!

— А о комъ-же это о другомъ у тебя думки идутъ? — спросилъ Митя.

— Такъ и призналась! — сказала Сонька. — Вонъ въ вашего дѣда пастуха влюбилась. Увижу, такъ до пять горячо! Я, не хуже вашего, все на старыхъ лошадахъ ѣзжу, — сказала она вызывающе, намекая, очевидно, на двадцатилѣтнюю Парашу, которая на деревнѣ считалась ужь старой дѣвкой. И, внезапно бросивъ лопату, со смѣлостью, на которую она какъ будто имѣла нѣкоторое право вслѣдствіе своей тайной влюбленности въ барчука, сѣла на землю, вытянула и слегка раздвинула ноги въ старыхъ грубыхъ полсапожкахъ и въ шерстяныхъ пѣгихъ чулкахъ и беспомощно уронила руки.

— Охъ, ничего не дѣлала, а уморилась! — крикнула она, смѣясь. — Сапоги мои худые, — прозительно запѣла она, —

Сапоги мои худые,
Носки лаковые,
Что у дѣвокъ, что у бабъ —
Одинаковыя! —

и опять закричала, смѣясь:

— Пойдемте со мной въ салаши отдыхать, я на все согласная!

Смѣхъ этотъ заразилъ Митю. Широко и неловко улыбаясь, онъ соскочилъ съ сука и, подойдя къ Сонькѣ, легъ и положилъ ей голову на колѣни. Сонька скинула ее — онъ опять положилъ, опять думая стихами, которыхъ онъ начитался за послѣдніе дни:

Вижу, роза, — счастья сила
Яркій свитокъ твой раскрыла

И увлажила росой —
 Необъятный, непонятный,
 Благовонный, благодатный
 Міръ любви передо мной...

— Не трожьте меня! — закричала Сонька уже съ искренним испугомъ, стараясь поднять и отбросить его голову, которую онъ напруживалъ. — А то такъ закричу, все волки въ лѣсу завоютъ! У меня ничего для васъ нѣту, горѣло да потухло! Я тонка, да звонка, для васъ не подходяща!

Митя закрылъ глаза и молчалъ. Солнце, дробясь черезъ листву, вѣтви и грушевый цвѣтъ, горячими пятнами пестрило, щекотало его лицо. Сонька нѣжно и зло рванула его черные жесткіе волосы, — «чисто у лошади!» — крикнула она, — и прикрыла ему картузомъ глаза. Подъ затылкомъ онъ чувствовалъ ея ноги, — самое страшное въ мірѣ, женскія ноги! — макушкой касался ея живота, слышалъ запахъ ситцевой юбки и кофточки, и все это мѣшалось съ цвѣтущимъ садомъ и съ Катей; томное цоканье соловьевъ вдали и вблизи, немолчное сладострастно-дремотное жужжаніе несмѣтныхъ пчелъ, медвяный теплый воздухъ и даже простое ощущеніе земли подъ спиною мучило, томило жаждой какого-то сверхчеловѣческаго счастья. И вдругъ въ ельникѣ что-то зашуршало, весело и злорадно захохотало, потомъ гулко раздалось: «ку-ку! ку-ку!» — и такъ жутко, такъ выпукло, такъ близко и такъ явственно, что слышенъ былъ хрипъ и дрожаніе острагоязычка, а желаніе Кати и желаніе, требованіе, чтобы она во что-бы то ни стало немедленно дала именно это сверхчеловѣческое счастье, охватило такъ неистово, что Митя, къ крайнему удивленію Соньки, порывисто вскочилъ и большими шагами зашагалъ прочь, съ притворнымъ смѣхомъ крикнувъ съ дороги:

— Нѣтъ, лучше пойду чай пить, а то съ тобой только до грѣха!

Вмѣстѣ съ этимъ неистовымъ желаніемъ, требованіемъ счастья, подъ этотъ гулкій голосъ, внезапно раздавшійся съ такой страшной явственностью надъ самой его головой въ ельникѣ и какъ будто до дна разверзшія лоно всего этого весенняго міра, онъ вдругъ вообразилъ, что письма не будетъ и не можетъ быть, что въ Москвѣ что-то случилось или вотъ-вотъ случится, и что онъ погибъ, пропалъ!

XV

Въ домѣ онъ на минуту остановился передъ зеркаломъ въ залѣ. «Она права, — подумалъ онъ, — глаза у меня, если и не византійскіе, то во всякомъ случаѣ сумасшедшіе. А эта худоба, грубая и костлявая нескладность, мрачная угольность бровей, жесткая чернота волосъ, дѣйствительно почти лошадиныхъ, какъ сказала Сонька?»

И онъ попробовалъ улыбнуться своимъ большимъ ртомъ съ той «милой мальчишеской неловкостью», за которую будто бы любила его Катя. И точно, улыбка, даже дѣланная, тотчасъ же все скрасила: онъ самъ почувствовалъ, до чего она нѣжная, дѣтски радостная, беспомощная.

Но сзади него послышался быстрый топотъ босыхъ ногъ. Онъ смутился, обернулся:

— Вѣрно, влюбились, все въ зеркало смотрите, — съ ласковой шутивостью сказала Параша, пробѣгая мимо съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ на балконъ.

— Васъ мама искали, — прибавила она, съ размаху ставя самоваръ на убранный къ чаю столъ и, обернувшись, быстро и зорко взглянула на Митю.

«Всѣ знаютъ, всѣ догадываются!» — подумалъ Митя и черезъ силу спросилъ:

— А гдѣ она?

— У себя въ комнатѣ. Да теперъ онѣ къ чаю сейчасъ выйдутъ...

Солнце, обойдя домъ и уже переходя на западное небо, зеркально заглядывало подъ сосны и пихты, своими хвойными вѣтвями осѣнявшія балконъ. Кусты бересклета подъ ними блестяли тоже совсѣмъ по лѣтнему, стеклянно. Столъ, покрытый легкой тѣнью и кое-гдѣ жаркими пятнами свѣта, сиялъ скатертью. Осы вились надъ корзиночкой съ бѣлымъ хлѣбомъ, надъ граненой вазой съ вареньемъ, надъ чашками. И вся эта картина говорила о прекрасномъ деревенскомъ лѣтѣ и о томъ, какъ можно было бы быть счастливымъ, беззаботнымъ. Чтобы предупредить выходъ мамы, которая, конечно, не менѣе другихъ понимаетъ его положеніе, и чтобы показать, что у него вовсе нѣтъ никакихъ тяжкихъ тайнъ на душѣ, Митя пошелъ изъ зала въ коридоръ, въ который выходили двери его комнаты, маминой и двухъ другихъ, гдѣ лѣтомъ жили Аня и Костя. Въ коридорѣ было сумрачно, въ комнатѣ Ольги Петровны синевато. Вся комната была тѣсно и уютно загромождена наиболѣе старинной мебелью, имѣвшей въ домѣ: шифоньерками, комодами, большой постелью и божицей, передъ которой, какъ обыкновенно, горѣла лампада, хотя Ольга Петровна никогда не проявляла особой религіозности. За открытыми окнами, на запущенномъ цвѣтникѣ передъ входомъ въ главную аллею, лежала широкая тѣнь, за тѣнью празднично зеленѣлъ и бѣлѣлъ въ упоръ освѣщенный садъ. Не глядя на весь этотъ давно привычный видъ, опустивъ глаза въ очкахъ на вязанье, Ольга Петровна, крупная и сухощавая, черная и серьезная сороколѣтняя женщина, сидѣла у окна въ креслѣ и быстро ковыряла крючкомъ.

— Ты спрашивала меня, мама? — сказалъ Митя, входя и останавливаясь у порога.

— Да нѣтъ, я просто хотѣла тебя видѣть. Я вѣдь теперь почти никогда, кромѣ обѣда, не вижу тебя, — отвѣтила Ольга Петровна, не прерывая работы и какъ-то особенно, не въ мѣру спокойно.

Митя вспомнилъ, какъ девятаго марта Катя сказала,

что она почему-то боится его матери, вспомнилъ тайное очаровательное значеніе, которое, несомнѣнно, было въ ея словахъ, и ему захотѣлось упасть головой на колѣни къ матери и заплакать горчайшими слезами. Онъ неловко пробормоталъ:

— Но ты, можетъ, хотѣла что-нибудь сказать мнѣ?

— Ничего, кромѣ того, что, мнѣ кажется, что ты что-то заскучалъ послѣдніе дни, — сказала Ольга Петровна. — Можетъ, проѣхался бы куда-нибудь... къ Мещерскимъ, на примѣръ... Полонъ домъ невѣсть, — прибавила она, улыбаясь, — и вообще, по-моему, очень милая и радушная семья.

— Какъ-нибудь на-дняхъ съ удовольствіемъ съѣзжу, — съ трудомъ отвѣтилъ Митя. — Но пойдемъ чай пить, тамъ такъ хорошо на балконѣ... Тамъ и поговоримъ, — сказалъ онъ, отлично зная, что мама, по своему проницательному уму и по своей сдержанности, не будетъ больше возвращаться къ этому бесполезному разговору.

На балконѣ они просидѣли почти до заката. Мама послѣ чая продолжала вязать и говорить о сосѣдяхъ, о хозяйствѣ, объ Анѣ и Костѣ, — у Ани опять перерезка въ августѣ! Митя слушалъ, порою отвѣчалъ, но все время испытывалъ нѣчто подобное тому, что онъ испытывалъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы, — что опять онъ какъ будто пьянъ отъ какой-то тяжелой болѣзни, уже вступившей въ него, и что онъ еще разъ отрывается отъ Кати, переживаетъ какъ-бы новую разлуку съ ней, — несомнѣнно, въ Москвѣ случилось что-то роковое! — и разлуку на этотъ разъ такую страшную, передъ которой разлука пережитая мѣсяць тому назадъ, была величайшимъ счастьемъ...

А вечеромъ онъ часа два безостановочно шагаль по дому взадъ и впередъ, насквозь проходя залъ, гостиную, диванную и бібліотеку, вплоть до ея южнаго окна, открытаго въ садъ. Въ окна зала и гостиной мягко краснѣлъ межъ вѣтвями сосенъ и пихтъ закатъ, слышались голоса

и смѣхъ работниковъ, собиравшихся къ ужину возлѣ людской. Въ пролетъ комнату, въ окно библиотеки, глядѣла ровная и безцвѣтная синева вечерняго неба съ неподвижною розовой звѣздой надъ ней; на фонѣ этой синевы картинно рисовалась зеленая вершина клена и бѣлизна, какъ-бы зимняя, всего того, что цвѣло въ саду. А онъ шагаль и шагаль, уже совсѣмъ не заботясь о томъ, какъ будетъ это истолковано въ домѣ. Зубы его были стиснуты до боли въ головѣ.

Ив. Бунинъ

(Окончаніе слѣдуетъ)